

7 февраля 1981 года

Ю Ж Н Ы Й У Р А Л

1981 год объявлен ЮНЕСКО годом Ф. М. Достоевского

ГЕНИЙ РУССКОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Юбилей Ф. М. Достоевского давно уже вышел за рамки обычных знаменательных годовщины и стал событием общественной жизни. И они менее всего похожи просто на литературный праздник. Один из советских критиков даже провел параллель между ними и датами, связанными с открытиями в области атомной энергии. «Достоевский, — писал он, — похож на ученого, обнаружившего в человеке ядерные силы и боящегося, что силы эти не могут найти мирного применения».

Достоевский — единственный из писателей, увидевший мир с высоты эшафота. В своей речи на суде он бросил в лицо обвинителям: «Все, что окружает нас сегодня, все эти распотаные жизни... вымирающие селения, ужасающая нищета. — все это потонет в

едином гимне всемирного, необъятного счастья». За призыв к всеобщей справедливости его приговорили к смертной казни, замененной уже на эшафоте сибирской каторгой. Страшное испытание не прошло бесследно — ни для его последующей гражданской деятельности, ни для его художественного творчества...

Как только не называли Достоевского русские и зарубежные критики и литературоведы! «Писатель страшных человеческих глубин», «писатель-дьявол», «Иван Грозный русской литературы», «гнетущая загадка России», «психолог метаний», «писатель катастроф»... Но такого исполнения, как Достоевский, нельзя определить никакими словами, никакими фразами, никакими многогомыми исследованиями. Ибо определить такого колосса — значит его ограни-

чить.

В чем причины его колоссальной популярности?

Все творчество Достоевского проникнуто болью за человека, и никто лучше, чем он, не показал трагедию личности, ущемленной в своем достоинстве. За эту беспредельную любовь к униженным и оскорбленным, за беспощадное обличение условий, порождающих людей-уродов, за нестерпимую жажду справедливости ценили и ценят Достоевского поколения разных, совершенно непохожих людей.

Еще при жизни Достоевского многие западные критики, завороченные его могучим талантом, потрясающим даром психологического предвидения, сложностью и противоречивостью, заговорили о том, что именно он, Достоевский, открыл завесу над «загадочной славянской душой», что

именно он раскрыл и обнажил «тайственную душу» русского человека. С легкой руки этих исследователей почти все русское стало отождествляться с именем Достоевского, восприниматься по Достоевскому, объясняться по книгам Достоевского. Отождествлялось и отождествляется по наивности, по незнанию или намеренно порой и теперь.

Разумеется, все это неверно до курьеза. Конечно, причины всемирной популярности Достоевского нужно искать не в сложности и противоречивости его творчества, не в «загадке славянской души», а в том бесспорно и объективно ценном, что внес он в мировую литературу. Хорошо сказал о Достоевском знаменитый датский критик Георг Брандес: «Он (Достоевский) заставил понять, что существует возможность сохранить неприкосновенную чистоту души во всяком положении жизни и при всяких обстоятельствах».

Достоевский не был революционером, не принимал социалистических идей. Но многое, о чем он мечтал, осуществилось благодаря революции и социализму. Достоевский писал о распотанных жизнях, о людях, ушедших из жизни и не успевших заметить ее красоты, о слетах ребенка, которые стоят всего мира... «Я никогда не мог понять мысли, — писал он, — что лишь одна десятая доля людей должна получить высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши 90 миллионов русских (или там сколько еще их тогда на-

родится) будут все когда-нибудь образованны и счастливы. Верую даже, что царство мысли водворится у нас, в нашей России, еще скорее, может быть, чем где бы то ни было...».

Это были пророческие слова. Все народы бывшей Российской империи (а не только «90 миллионов русских») в годы Советской власти приобщились к завоеваниям мировой культуры, получили доступ ко всем сокровищам человеческого разума.

Достоевский не смог указать людям правильного выхода из жестокого мира капитала. Но он был гениальным художником, и его творчество, подчиняясь законам художественной логики, приводило читателя к бескомпромиссному выводу, что человек не может быть счастлив в мире, где царят произвол и несправедливость.

Достоевский ошеломляет воображение. Его влияние испытали О. Уайльд и М. Пруст, С. Цвейг и Ф. Кафка, А. Жид и А. Камю, Г. Манин и Т. Манин, Б. Келлерман и Г. Бёльль, Д. Джойс и Т. Драйзер... Его читают и будут читать, пока существует человечество. Потому что это совершенно уникальный художник — и в русской и в мировой литературе. Потому что он поднялся до неведомых высот и опустился до неведомых глубин человеческого сознания.

Достоевский высказал много совершенно удивительных мыслей, идей, но одна из них выделяется своей простотой, хотя и сверкает алмазным блеском: «Жизнь хороша, — писал он, — и надо сделать так, чтоб это мог подтвердить каждый».

Гавриил ПЕТРОСЯН.

Не случайно в тяжелый для молодой Советской республики 1918 год, подписывая Декрет о создании памятников выдающимся деятелям прошлого, В. И. Ленин поставил в списке имя Ф. М. Достоевского вторым после Л. Толстого.

Достоевский ошеломляет и ошеломляет воображение. Его влияние испытали О. Уайльд и М. Пруст, С. Цвейг и Ф. Кафка, А. Жид и А. Камю, Г. Манин и Т. Манин, Б. Келлерман и Г. Бёльль, Д. Джойс и Т. Драйзер... Его читают и будут читать, пока существует человечество. Потому что это совершенно уникальный художник — и в русской и в мировой литературе. Потому что он поднялся до неведомых высот и опустился до неведомых глубин человеческого сознания.

Гавриил ПЕТРОСЯН.